

ФИЛОСОФИЯ

УДК 115.4+316.6

От мифов о прошлом к мифологизации времени в цифровой медиасреде

Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова

Артамонов Денис Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, artamonovds@mail.ru

Тихонова Софья Владимировна, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, segedasv@yandex.ru

Статья посвящена проблемам трансформации темпоральных структур мифологии в цифровой медиасреде. Показана роль времени в функционировании мифов о прошлом, рассмотрены механизмы сопряжения сакрального прошлого истоков, героического времени борьбы, стабильного «преднастоящего», настоящего и будущего. Мифологическая «линейка времени» зависит от опыта художественного осмысления времени и коммуникационного уклада. Если для модерна характерен синтез мифологического циклического времени с линейным временем исторической науки, постмодерн открывает возможности для эстетических экспериментов с временной последовательностью прошлого, настоящего и будущего. Утверждается готовность цифровых масс к применению эстетических приемов постмодерна в низовом создании образов Прошлого. Новая мифологизация Прошлого не является внутренним делом субъекта. Она не сводится к согласию с тиражируемыми образами или отказу от них. Интернет-среда впервые в истории сделала возможным коммуникативное освобождение масс, позволив им активно транслировать собственную версию Прошлого, создавая цифровой контент, востребованный в массовом же потреблении. На примере феномена советской ностальгии демонстрируется переход к цифровой мифологизации времени, свободно перекраивающей образы Прошлого и Будущего и произвольно устанавливающей отношения между ними.

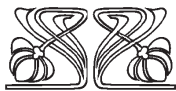
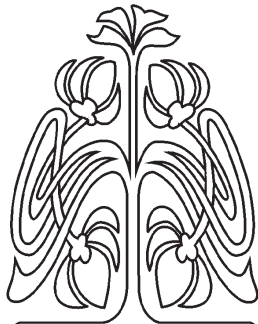
Ключевые слова: социальная философия, теория мифа, образы прошлого, мифологизация времени.

Поступила в редакцию: 15.04.2020 / Принята: 20.05.2020 / Опубликовано: 30.09.2020

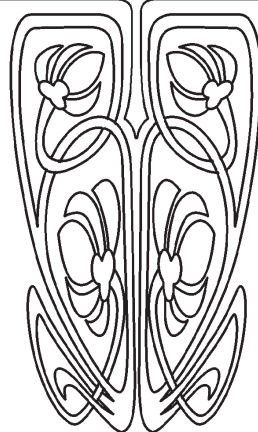
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-234-239>

Классической областью исследований времени в теории мифов являются мифы о прошлом. С. Ю. Неклюдов определяет представления о пространстве и времени как «мифологический хронотоп», где время объединяет три пласта – вчерашнее время как личное прошлое рассказчика в пределах одного поколения, историческое прошлое в пределах пяти поколений и мифологизированное (сакральное) время «начала начал» творения космоса [1]. Мифы о прошлом играют роль опорных структур мифопространства, формируя его пространственно-временной континуум. В современной социальной мифологии они задают хронографию мифа, обеспечивая взаимодействие и синхронизацию циклического времени сакрального мифа и линейного времени научной картины мира, характерного для

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

технологической рациональности современного капитализма. Совмещение разных планов времени – важное условие воспроизводства социальной мифологии, актуализирующее те или иные мифокомплексы в контексте наличной повестки дня. Весь массив последовательности исторических событий, установленных и зафиксированных профессиональными историками под контролем государства, является строительным материалом образа Прошлого.

Логика совмещения социальных модусов времени исторически подвижна. В период Модерна она работает следующим образом. Линейная схема истории делится на отрезки относительно «сакрального» времени истоков, обладающего повышенной мифогенной плотностью. Эти отрезки наделяются полярной аксиологической окрашенностью, необходимой для эмоциональной конфликтности между «темными» временами, героической борьбой за возвращение света и относительно непротиворечивым настоящим. Конструирование коммеморативных практик позволяет поддерживать связь с периодом «истоков», реактуализируя его через символические практики – ритуалы, церемонии, мемориалы. Отметим, что практики структурирования прошлого в Новейшее время вынуждены опираться на однозначно зафиксированные ключевые даты (архаичные мифологии такой роскоши (обременения) не знали, поскольку реальное прошлое ограничивалось памятью трех – максимум пяти поколений), считаясь с мощной традицией исторических исследований. Однако они легко наделяют границы отрезков подвижностью, динамично выстраивая исторические дистанции и сближения, заставляя линейную периодизацию пульсировать, придавая ей ритмичный рисунок проявленности подлинного Смысла истории.

Дрейф «линейки Прошлого» детерминирован конфигурацией коммуникационного пространства, определяющей механику ее сборки. Например, для советской мифологии точкой «альфа» была Великая Октябрьская социалистическая революция, сменившая «темную эру» царизма. Время истоков, связанное с революционным движением и его победой, по мере линейного продвижения вперед постепенно поглощало время героической борьбы, расширяясь и включая историю Гражданской войны, индустриализацию, а затем и Великую Отечественную войну, когда «наши отцы и деды кровь проливали», чтобы здесь и сейчас современники жили хорошо. «Хорошо» настоящего в обозримой перспективе сменится еще более прекрасным светлым будущим. Эту связку «позавчера, сегодня, завтра» мы легко обнаружим дрейфующей, если обра-

тимся к историческим источникам: в газетах, стенограммах, протоколах заседаний текущий момент (за исключением страшных лет Великой Отечественной войны) никогда не оценивается как более тяжелый (или хотя бы равный по степени тяжести), чем время истоков, а наступление эры коммунизма сдвигается на все более поздние сроки.

В периоды господства тотальных государственных идеологий историческая мифология культивировалась по государственному заказу. Советское государство создало мощнейшую идеологическую машину, в рамках которой были сформированы, во-первых, через тщательную селекцию привилегированный слой «творческой интеллигенции» – писателей, поэтов, актеров, режиссеров и сопутствующих профессий, во-вторых, система цензуры, позволяющая государству включаться в производство культурного продукта, выстраивая его в нужном идеологическом ключе, делая пригодным для решения вполне конкретных прагматических задач мировоззренческого и педагогического характера; в-третьих, вертикальная система массовой информации, позволяющая управлять низовым культурным потреблением.

Тиражируемый в советское время мифологический образ Прошлого отнюдь не канул в Лету с началом перестройки и распадом СССР. Борьба за гласность, рассекречивание архивов, деидеологизация не смогли его уничтожить, хотя и вызвали к жизни мощнейшие процессы по его пересмотру. Понижение в мифологическом статусе Октябрьской революции, смягчение негативных оценок имперского периода, нейтрализация оценок роли Коммунистической партии и коммунистической идеологии, культивирование памяти о Великой Отечественной войне привели к появлению нового советского мифа о Прошлом, который по-прежнему воспроизводится на правах мифологического макронарратива, отражаясь не только в государственной политике памяти, но и в массовом бытовании так называемой «но-стальгии по СССР». В этом мифе максимально сглажены канонические отрезки линейки Прошлого, «сбита» политико-правовая калибровка их маркирования, точка «альфа» смещена от революционных событий 1917 г. к периоду Великой Отечественной войны. Подвиг народа стал основой памяти народа, объединяющей в консолидационной риторике многонациональное и многоконфессиональное население Российской Федерации в единое целое.

С точки зрения старых объяснительных схем создалась парадоксальная ситуация: при отсутствии идеологической преемственности

с советским политическим режимом и пропагандистской монополией государство готово насаждать советский миф старыми средствами, а общество само его успешно воспроизводит, опираясь на новые коммуникативные возможности цифрового общества потребления. Со второй половины нулевых годов нынешнего столетия началось возрождение моды на советскую атрибутику, сначала активно эксплуатировавшуюся маркетингом в квазиаутентичных «советских» брендах. Потребительская мода быстро перешла во все сферы культуры, снижая негативные оценки тоталитаризма, репрессий, культ личности. Научная рефлексия на первых порах отреагировала на нее с позиций примата централизованного идеологического влияния, видя в советском ренессансе результат стремления руководства страны реструктуризировать советскую систему [2, с. 18]. Тем не менее советская ностальгия набирала обороты настолько быстро и масштабно, захватывая когорты молодежи, родившейся после распада СССР, что государственными усилиями объяснить ее было уже нельзя. В последние годы феномен советской ностальгии пытаются интерпретировать на основе теории гибридной постпамяти Марианны Хирш, согласно которой возможна передача травматического опыта, заданного конкретным событием, последующим поколениям [3, с. 129]. Социологические исследования показывают не только перманентные сожаления россиян о распаде СССР, устойчивость памяти о Великой Отечественной войне, но и рост ностальгических эмоций к позднему советскому периоду – брежневской эпохе застоя [4]. При этом материалы, демонстрирующие противоречия и темную сторону советской истории, по-прежнему находятся в открытом доступе. Россияне прекрасно знают об их существовании, как минимум, благодаря системе образования, но не используют для собственных мемориальных практик. На сегодняшний день очевидно, что государственная политика памяти использует социальное настроение россиян, но она его не формирует и не обгоняет.

Большинство концепций *memory studies* рассматривают работу коллективной памяти в ключе лассуэлловской парадигмы прямого влияния – политика памяти насаждает мифы, которые легко приживаются в том случае, если не вступают в конфликт с личным опытом и семейной историей. Конфликт служит барьером, за которым формируется пространство альтернативного образа Прошлого. Феномен советской ностальгии демонстрирует границы применимости такого подхода – если устойчивость памяти о Великой Отечественной войне можно попытаться объяс-

нить работой постпамяти, то симпатии к эпохе застоя, не включающей массового травматического опыта, не позволяют ни верифицировать эту модель, ни показать ее пригодность для конкретного периода (почему популярен именно брежневский застой, а не хрущевская оттепель с расцветом культуры и полетом Гагарина в космос?).

На наш взгляд, обоснованное социально-философское объяснение возможно при учете революционного сдвига коммуникационного уклада. Архитектоника возрожденной советской мифологии задана принципиально новой конфигурацией коммуникационного пространства, сделавшей возможным раскрепощение исторического воображения масс. Сетевое общество (М. Кастельс) позволяет индивиду не просто развивать горизонтальные сети социальных связей, оно смягчает давление вертикальных ансамблей массовой информации и открывает двери в массовую коммуникацию для ее восходящих потоков. Личная и семейная история долго были «заперты» на территории приватности, откуда в публичную сферу их могли извлечь лишь усилия профессиональных историков и журналистов. Миф о советском прошлом задан личным опытом: наиболее активным носителем «советской ностальгии» выступает последнее советское поколение 1976–1982 гг. рождения и этот субъективный опыт становится основой пересборки прошлого. Важно, что новая мифологизация Прошлого не является внутренним делом субъекта. Она не сводится к согласию с тиражируемыми образами или отказу от них. Интернет-среда впервые в истории сделала возможным коммуникативное освобождение масс, позволив им активно транслировать собственную версию Прошлого, создавая цифровой контент, востребованный в массовом же потреблении.

Важным обстоятельством является осевая структура пересборки: ее фундаментом служит не классическая современная мифологизация прошлого, а цифровая мифологизация времени. Отметим, что время долго оставалось слабо доступным для мифологизации объектом. Экзистенциальный опыт трансформации последовательности «прошлое – настоящее – будущее» жестко детерминирован фундаментальностью онтологического характера времени. Ментальные, «воображаемые» возможности такой трансформации, связанные с художественным осмыслением реальности, опираются на социальный опыт, включающий данные о качественной различной исторической динамике. Сюжет о волшебном сне, позволяющем заглянуть в будущее, встречается, например, у Диогена Лаэртского, описывающего «любимца богов»

критянина Эпименида, проспавшего 57 лет [5, с. 99–100]. Однако широкого хождения этот сюжет не имел. Стартом мифологизации времени можно считать новеллу «Рип ван Винкль» В. Ирвинга о человеке, в энигматическом сне проспавшем время своего поколения и проснувшимся в разгар Войны за независимость. С появлением Рип ван Винкля начинается длительная разработка идеи путешествий во времени в литературе, в первую очередь в научной фантастике. В настоящее время она представляет собой богатую традицию общеизвестных литературных и кинематографических сюжетов.

Отметим, что фантастические путешествия во времени не меняют саму концепцию линейности истории, в евклидовой геометрии проектирующей устремленность в Будущее. Ее радикально перекраивает постмодерн. Как показывает В. Г. Косыхин, постмодерн формирует новое представление об истории, понимая ее «нелинейно, смешивая разные исторические пласты, допуская обратимость исторической герменевтики, возможность начинать историю с любого места в рамках преодоления модернистского мифа об абсолютности начала и необходимости возвращения к этому началу» [6, с. 394]. Работа со временем была начата уже режиссерами Новой французской волны в авторском кино 60-х гг. XX в., перемешивавшими периоды повествования в «неправильном» порядке. Широкую известность и влияние в массовой культуре этот прием получил благодаря фильмам К. Тарантино в конце минувшего столетия.

Эстетические и идеологические эксперименты массового искусства наложились на новый коммуникативный цифровой опыт. Во-первых, рост индустрии компьютерных игр привел к тотальному включению в их практики молодых поколений. Предоставляя геймеру неограниченное число попыток прохождения сюжета с разными точками входа, game-пространство сформировало новое восприятие времени, в котором оно трансформировано в управляемую субстанцию, локализуемую в различных циклических комбинациях. Компьютерные игры активно эксплуатируют как исторические, так и научно-фантастические сюжеты, в которых Прошлое может быть не только возвращено, но обжито, перекроено, модернизировано и декорировано по вкусу игрока. Современные игры все больше зависят от вкусов геймеров как через опосредованные каналы маркетинговых исследований, так и через прямое участие конечных потребителей в разработке игр (инди-проекты) и их модификаций (моды).

Во-вторых, получила распространение цифровая мобилография, благодаря которой фото-

графия перестала быть элитарной техникой и превратилась в массовый способ «захвата Настоящего». Феномены селфи и инстаграм-фото демонстрируют новые способы фиксации текущего момента, семиотизации контекста (заднего плана), превращение фотографии в сообщение о времени, себе, мире и людях. Цифровая фотография, выгруженная в социальные сети, становится важным элементом практики самопрезентации и самопознания, выстраивания пространства личности и ее наличного самоощущения. Момент, однажды пережитый, растягивается через демонстрацию, разглядывание и комментариев, расширяя Настоящее.

В-третьих, происходит активное включение огромного числа людей в производство цифрового контента с текстовыми элементами, имеющего отношение к образам Прошлого. Это и развитие сетературы, включающей развитие нового жанра альтернативно-исторической фантастики, появившегося в 90-е гг. минувшего века; создание фанфиков по мотивам историко-фантастических произведений, тематических исторических пабликов и фейковых профилей исторических личностей в социальных сетях. Наглядно эволюцию исторического цифрового контента демонстрирует жанр интернет-мемов, ставший неотъемлемой чертой современного общества [7, с. 2864]. В социальных сетях изображения с ироничной подписью стали базовой лаконичной формой выражения субъективного отношения к сложным или негативным явлениям [8]. Интернет-пользователи, вынужденные в условиях информационной перегрузки и дефицита времени быстро реагировать на изменения повестки дня, используют мемы для метафорического выражения своего эмоционального отношения к значимым для них сведениям, связанным с удовлетворением когнитивных, семантических и аксиологических потребностей. Авторы мемов активно используют исторические события, персонажей, цитаты. С темпоральной точки зрения характерна когерентностная функция мема, сопрягающая разные временные пласты, прошлое, настоящее или будущее, для передачи конкретной идеи. Иногда эстетическая техника мемов заимствует кинематографические приемы постмодернистской работы со временем, но возможны и чисто цифровые рекурсии. Примером может быть история мема с котиками «Наташ, ты спишь? Уже 6 часов утра. Вставай, мы там все уронили. Мы уронили вообще все, Наташ, честно». Мем появился в феврале 2020 г. Он отражал утренние особенности быта типичного котовладельца. Яркость его эмоционального сообщения стала основой «наложения» мема на повестку дня.

На протяжении марта 2020 г. в модификациях мема котика принимали конституцию, «роняли» цены на нефть, обнуляли президентские сроки, закрывали хозяйку на самоизоляцию, продлевали карантин по COVID-19, доедали гречку, дичали до состояния львиного прайда, переходили на онлайн-обучение, надевали маски, пытались вернуться в Россию на самолете, сражались с печенегам. В апреле 2020 г. котика окончательно превратились в «котов-летописцев», подборку эволюции базовых мемов (более 30 вариантов), набрав за сутки 1734 репоста и продолжив победное шествие по русскоязычному Фейсбуку. Таким образом, интернет-мем, отражающий повестку дня, превратился в живую летопись, коллекционирующую собственные модификации.

Психологически обыватель давно готов к путешествиям во времени и явно расстроен из-за отсутствия их технической возможности. Цифровая среда создала условия для небывалой визуализации Прошлого, возможности погружения в ушедшие эпохи и совместного действия в их цифровых симулякрах. Массы не просто активно осваивают эту призрачную территорию, но и непрерывно генерируют цифровые следы своего восприятия, объективируют и транслируют их. Образы Прошлого благодаря цифре обрели невероятную плотность присутствия в Настоящем и открыли шлюзы для мифологической экспансии во Время.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-011-00297

«Мифологизация времени в современной медийной среде: риски трансформации, стратегии конструирования, дискурсивные практики»).

Список литературы

1. Неклюдов С. Ю. Структура и функции мифа // Современная российская мифология : сб. статей / сост. М. В. Ахметова. М. : Рос. гос. гум. ун-т, 2005. С. 9–27.
2. Гудков Л. Время и история в сознании россиян. Ч. II // Вестник общественного мнения. 2010. № 2 (104). С. 13–61.
3. Бараиш Р. Э. О некоторых причинах «советской» ностальгии и особенностях исторической памяти россиян о советском периоде // Социологическая наука и социальная практика. 2017. Т. 5, № 4 (20). С. 124–151. DOI: 10.19181/snsp.2017.5.4.5523
4. Абрамов Р. Н. Отношение к позднему советскому прошлому как объект социологического исследования // Общественные науки и современность. 2019. № 5. С. 108–120. DOI: 10.31857/S086904990006566-4
5. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / под общ. ред. А. Ф. Лосева. М. : Мысль, 1979. 620 с.
6. Косыхин В. Г. Хайдеггер, нигилизм и завершение онто-исторического проекта модерна // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 393–397. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-393-397
7. Seiffert-Brockmann J., Diehl T., Dobusch L. Memes as games : The evolution of a digital discourse online // New Media & Society. 2018. Vol. 20, iss. 8. P. 2862–2879. DOI: 10.1177/1461444817735334
8. Nissenbaum A., Shifman L. Meme Templates as Expressive Repertoires in a Globalizing World: A Cross-Linguistic Study // Journal of Computer-Mediated Communication. 2018. Vol. 23. P. 294–310.

Образец для цитирования:

Артамонов Д. С., Тихонова С. В. От мифов о прошлом к мифологизации времени в цифровой медиасреде // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 234–239. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-234-239>

From Myths about the Past to the Mythologization of Time in the Digital Media Environment

D. S. Artamonov, S. V. Tikhonova

Denis S. Artamonov, <https://orcid.org/0000-0001-8689-1948>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410002, Russia, artamonovds@mail.ru

Sofiya V. Tikhonova, <https://orcid.org/0000-0003-2487-3925>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410002, Russia, segedasv@yandex.ru

The article deals with the transformation of temporal structures of mythology in the digital media environment. The authors show the role of time in the functioning of myths about the Past, consider the

mechanisms of coupling the sacred past of the origins, the heroic time of struggle, the stable “pre-present”, the present and the future. The mythological “ruler of time” depends on the experience of artistic understanding of time and the way of communication. While modernity synthesizes mythological cyclical time with the linear time of historical science, postmodernity opens up opportunities for aesthetic experiments with the temporal sequence of the past, present and future. The authors show the readiness of digital masses to apply postmodern aesthetic techniques in the grassroots creation of images of the Past. The new mythologization of the Past is not an internal matter of the subject, his or her consent or protest against replicated images. The Internet environment for the first time in history freed the masses in communication, allowed them to broadcast their own version of the Past actively, and create digital content for mass consumption. Using the phenomenon of Soviet nostalgia as an example, the authors demonstrate the transition to

digital mythologization of time, which freely reshapes images of the Past and Future, and arbitrarily establishes relations between them.

Keywords: social philosophy, theory of myth, images of the Past, mythologizing of Time.

Received: 15.04.2020 / Accepted: 20.05.2020 / Published: 30.09. 2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Acknowledgements: *This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 20-011-00297 “Time mythologization in the modern media environment: the risks of transformation, construction strategies, discursive practices”).*

References

1. Neklyudov S. Yu. Structure and functions of the myth. In: *Sovremennaya rossijskaya mifologiya: sbornik statej; sost. M. V. Axmetova* [Modern Russian mythology: collection of articles. Compiler ed. M. V. Axmetova]. Moscow, Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 2005, pp. 9–27 (in Russian).
2. Gudkov L. Time and history in the minds of Russians. Part II. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [The Russian Public Opinion Herald], 2010, no. 2 (104), pp. 13–61 (in Russian).
3. Barash R. E. About some reasons for “Soviet” nostalgia and features of historical memory of Russians about the Soviet period. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice], 2017, vol. 5, no. 4 (20), pp. 124–151 (in Russian). DOI: 10.19181/snsp.2017.5.4.5523
4. Abramov R. N. Attitude to the late Soviet past as an object of sociological research. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2019, vol. 5, pp. 108–120 (in Russian). DOI: 10.31857/S086904990006566-4
5. Diogenes Laërtius. *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitikh filozofov* [Lives and Opinions of Eminent Philosophers]. By total ed. A. F. Losev. Moscow, Mysl' Publ., 1979. 620 p. (in Russian).
6. Kosykhin V. G. Heidegger, Nihilism and Completion of the Onto-Historical Project of Modernity. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 393–397 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-393-397
7. Seiffert-Brockmann J., Diehl T., Dobusch L. Memes as games: The evolution of a digital discourse online. *New Media & Society*, 2018, vol. 20, iss. 8, pp. 2862–2879. DOI: 10.1177/1461444817735334
8. Nissenbaum A., Shifman L. Meme Templates as Expressive Repertoires in a Globalizing World: A Cross-Linguistic Study. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2018, vol. 23, pp. 294–310.

Cite this article as:

Artamonov D. S., Tikhonova S. V. From Myths about the Past to the Mythologization of Time in the Digital Media Environment. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 234–239 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-234-239>